

Лян Чэн не позволил, отобрал стакан и осушил его залпом.

— Давай-давай, выпей со мной, — Ин Сяоцун наклонилась вперед и наполнила стакан Лян Чэна. — Мы знакомы уже столько лет. О прошлом больше ни слова. Просто помни: куда бы ты ни отправился, вся эта паршивая жизнь осталась позади!

Не успел Лян Чэн ответить, как Ин Сяоюй закрыла лицо руками и расплакалась. Ее слезы выглядели невероятно трогательно, точно омытый дождем цветок груши. Сквозь них она подцепила палочками крышку, открыла бутылку пива и сдавленным голосом произнесла:

— Точно! Было время, когда я думала, что не выживу, но я справилась! И теперь я хозяйка самой прибыльной лавки на всем этом ночном рынке! А все дерьмо катится к чертям!

Лян Чэн чокнулся с Ин Сяоцун и осушил стакан, затем выпил с Ин Сяоюй. Вступил и Лао Сы, взволнованно заговорив:

— Лян Чэн, когда я только приехал один в Пинхай, чтобы заняться мелкой торговлей, на рыбном рынке меня все сговорились выжить. Ты увидел это и помог мне, а потом познакомил с братом Ином, и только тогда моя жизнь наладилась! Ты мне брат на всю жизнь!

— Братья на всю жизнь! — громко подхватила Ин Сяоцун. — Да, мы совершали ошибки: я ради сестры, ты ради матери. Нам не о чем жалеть и некого винить! Как там говорится? «Как пьющий воду...» — а дальше я забыла!

— Смотри не поперхнись! — подсказал Лао Сы.

Ин Сяоцун громко расхохоталась и, не заметив, схватила чужой стакан с кофе. Сделав глоток, она тут же отвернулась и выплюнула всё на землю, после чего вытерла рот и крикнула:

— Одноклассник Лян Чэна, убери свой Старбакс подальше!

Чжэн Яньдун, словно мстя, незаметно подменил свой стакан и взял пиво Ин Сяоцун:

— Лян Чэн, теперь моя очередь?

Лян Чэн продолжал наливать и пить.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он.

— Желаю тебе попутного ветра, — Чжэн Яньдун держался гораздо приличнее и сдержаннее остальных. — Ты у нас знатный нелюдим, за три года учебы я остался твоим единственным школьным товарищем. Если когда-нибудь решишь вернуться в Пинхай, не забудь разыскать меня.

Лян Чэн ничего не ответил, лишь приподнял стакан и осушил его. Когда круг тостов завершился и очередь дошла до Цяо Юаньлиня, за столом повисло неловкое молчание. Он не умел пить, не умел шуметь и чувствовал себя здесь не в своей тарелке, почти лишним.

— Выпей и с младшим Цяо тоже, — предложила Ин Сяоцун.

— И правда, — поддакнул Чжэн Яньдун. — Маленький хозяин квартиры так о тебе заботился.

Лян Чэн смял в руке пустой пластиковый стаканчик, бросил его на стол, затем взял бутылку пива, зубами сорвал крышку и припал прямо к горлышку. Его кадык задвигался, когда ледяная

жидкость хлынула внутрь, заполняя все его существо.

Он выпил и за Цяо Юаньлиня. Пил жаднее, чем до этого, так что закашлялся, а веки его покраснели. Ему было все равно, что все за столом видят, как он теряет самообладание.

Цяо Юаньлинь прикусил нижнюю губу и не произнес ни слова. За эти короткие месяцы он познал то особенное переплетение горечи, сладости и кислинки, которого иному хватило бы на полжизни. Он не знал, с какого слова начать, мысли комом застряли у него в горле.

Пустая бутылка со звоном покатила у его ног. Лян Чэн открыл еще одну; его длинные пальцы сжимали запотевшее стекло. На его лице промелькнула тень, и, допив, он явил миру тоскливое одиночество, которое не в силах был заглушить никакой алкоголь.

После нескольких раундов хмель смешался с залихватским задором, и пошли разговоры по душам. Лао Сы, рассказывая что-то, расплакался. Ин Сяоцун, укрывшись сумочкой Ин Сяоюй, привалилась к плечу Чжэн Яньдуна, ее плечи вздрагивали от рыданий.

Чжэн Яньдун держал в руке половинку краба, которая навеяла ему воспоминания об уроках анатомии, и в тоске обнимался с Ин Сяоцун.

Оказалось, что все они ранимы. Цяо Юаньлинь понял, что он здесь единственный трезвый и сильный. Ночь близилась к концу, он помог вызвать трезвых водителей и заплатил хозяину соседней лавки, чтобы тот прибрал со стола.

Лян Чэн был пьян, но вел себя на редкость тихо. Откинувшись на спинку стула и опустив голову, он сидел так смирно, словно размышлял о смысле жизни.

— Брат, — негромко позвал его Цяо Юаньлинь. — Пойдем домой.

Лян Чэн открыл глаза:

— Да, домой.

Они сели на заднее сиденье такси, прижавшись к разным дверям. Водитель, боясь, что пьяные пассажиры устроят дебош, гнал во всю мочь. На подъезде к переулку Лян Чэна слегка укачало, и, выйдя из машины, он пошатывался.

Цяо Юаньлинь шагнул вперед, чтобы поддержать его, и обхватил Лян Чэна за талию. С тех пор как мотоцикл был продан, они больше так не прикасались друг к другу. Лян Чэн негромко рассмеялся и пробормотал:

— Щекотно.

Боясь разбудить бабушку, он осторожно тащил Лян Чэна вверх по лестнице. Руки были заняты, свет включить не удалось, и он в темноте уложил его на кровать, после чего сам без сил опустился на край постели, тяжело дыша.

Переведя дух, Цяо Юаньлинь стянул с Лян Чэна обувь и уложил поудобнее. О том, чтобы умыться перед сном, не могло быть и речи, поэтому он просто взял влажное полотенце и протер ему лицо и шею.

Лян Чэн лежал с закрытыми глазами. Когда полотенце коснулось его кадыка, он сжал губы, а его дыхание постепенно стало ровным и глубоким.

Картина дышала умиротворением, но в голове Цяо Юаньлиня роился хаос. Как только эта долгая ночь закончится и хмель рассеется, Лян Чэн уйдет — заберет свои вещи и исчезнет насовсем.

Преступление, убийство... Всё это казалось жутким обманом, но до сих пор у него не хватало духу расспросить обо всем подробно. Зато теперь все воспоминания, оставленные Лян Чэном, походили на прекрасный сон.

В бледном свете луны Цяо Юаньлинь протянул руку и коснулся щеки Лян Чэна — теплой и сухой. Его узкие глаза были прикрыты, скрывая привычную насмешку и мимолетную нежность.

Неужели тебе не надоедало раз за разом аккуратно расставлять мои кроссовки? Зачем ты тайком укрепил лестницу, но так и не поднялся со мной на крышу смотреть на звезды? И почему каждый раз звал меня по полному имени — неужели не видел, как я из-за этого нервничал?

Мы так и не поели вместе виноградного льда — ложка тебе, ложка мне. Я еще не отработал все пропущенные лабораторные, расписание нужно обновить... И я так и не признался, что соврал про свой день рождения.

Цяо Юаньлинь шмыгнул носом. Он следил за ним и втайне фотографировал, выгонял его и тут же умолял остаться, заискивал, когда был в хорошем настроении, и жаловался на неудачи, предавался сладким грезам, ревновал до безумия, лгал и сходил с ума. Ради одного человека он собрал в себе все семь смертных грехов, но в итоге так ничего и не удержал.

Напоследок он побудет плохим еще один раз.

— Брат, каково оно на вкус — пиво?

С этими словами Цяо Юаньлинь наклонился и поцеловал Лян Чэна в губы.

Утром голова немного гудела после вчерашнего. Только приняв душ, Лян Чэн окончательно пришел в себя. Он выбросил грязную одежду вместе с постельным бельем — точно так же, как и перед своим прошлым уходом.

В чемодане оставалось немного места. Достав из шкафа красивую подарочную коробку, Лян Чэн бросил взгляд на плотно закрытую дверь комнаты Цяо Юаньлиня, а затем уложил коробку внутрь.

Закончив сборы, Лян Чэн в последний раз полил кактус. Было еще рано, и он тихо спустился по лестнице, как вдруг из кухни донеслись негромкие глухие звуки готовки.

Ван Жуйчжи, чьи руки были перепачканы в рисовой муке, хлопотала у плиты с самого рассвета. Выглянув из кухни, она сказала:

— Сяо Лян, я приготовила завтрак — молочные таньюань, твои любимые.

Оставив чемодан в прихожей, Лян Чэн подошел к дверям кухни и спросил, тем самым признавая ее правоту:

— Откуда вы знаете, что я их люблю?

Ван Жуйчжи не обольщалась насчет своих кулинарных талантов. В прошлый раз, когда Лян Чэн первым закончил есть и ушел к себе, Цяо Юаньлинь по секрету нашептал ей, что Лян Чэну, должно быть, очень понравилось блюдо.

Когда она спросила почему, Цяо Юаньлинь объяснил: Лян Чэн обычно ест быстро и совсем не обращает внимания на вкус, но, когда ел таньюань, он тщательно пережевывал их и о чем-то задумывался. Он даже не заметил, как в процессе Цяо Юаньлинь подложил ему еще один шарик.

Молоко томилось в кастрюле на медленном огне. Ван Жуйчжи опустила туда таньюань и добавила:

— Я тогда спросила его, почему он так внимателен, а он ответил, что ты его спаситель. И раз уж он хочет тебя отблагодарить, то сначала должен получше тебя узнать.

Лян Чэн на мгновение задумался, а затем тихо произнес:

— Он уже отблагодарил меня сполна.

Стоило ему договорить, как на лестнице послышалось шлепанье тапочек. Спустился Цяо Юаньлинь. На нем была бледно-желтая футболка с небольшим принтом на груди и джинсы, приоткрывавшие тонкие лодыжки. От всего его облика веяло юношеской свежестью.

На его чистом лице читалось облегчение. Спустившись, он тут же шутливо возмутился:

— Бабушка, почему меня на завтрак не позвали?

Ван Жуйчжи, присматриваясь к состоянию внука, ответила:

— Я думала, ты еще спишь.

— Да ладно тебе, я уже целых две главы прочитал! — Цяо Юаньлинь сел за стол, поджав одну ногу под себя. — Надо бы как следует взяться за уроки, через пару дней начну ходить на подготовительные курсы.

Ван Жуйчжи не заметила ничего странного. Выключив плиту, она разлила по пиалам две порции таньюань. Лян Чэн взял в каждую руку по пиале, подошел к столу и поставил ту, где молочная пенка была погуще, перед Цяо Юаньлинем.

Цяо Юаньлинь поднял на него глаза и улыбнулся:

— Тебе хватит? Могу поделиться парочкой.

— Хватит, — ответил Лян Чэн.

Он принялся помешивать ложкой молоко, от которого исходил густой сливочный аромат. Сквозь клубы молочного пара он посмотрел на сидевшего сбоку Цяо Юаньлиня. Тот откусил кусочек таньюань и, обжегшись, смешно вытянул губы трубочкой.

Поймав взгляд Лян Чэна, он спросил:

— Хмель прошел?

— Да, — кивнул Лян Чэн.

— Больше не напивайся так, — сказал Цяо Юаньлинь. — Я вчера тащил тебя наверх на собственной спине. Не хватало еще, чтобы из-за тебя я перестал расти.

— Правда? А я совсем этого не помню, — отозвался Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь тихонько прыснул — он явно врал. Ван Жуйчжи беззлобно пожурела внука за эти детские выдумки и повернулась к гостю:

— Сяо Лян, я слышала, ты собираешься в Пекин. Какие планы?

Лян Чэн слегка повернул пиалу в руках и ответил:

— Поеду, а там видно будет.

С пятью-шестью таньюань было покончено меньше чем за четверть часа. Цяо Юаньлинь стоял в прихожей, обувая кроссовки. Его мотоциклетный шлем исчез, и на крючке осталась висеть только строительная каска.

Лян Чэн вернул ему ключи от квартиры и вложил в руку синий амулет «узел покоя».

<http://bllate.org/book/18284/1753058>